

ПЕРЕЖИТКИ
ДРЕВНЯГО МІРОСОЗЕРЦАНІЯ

У БѢЛОРУССОВЪ.



Этнографическій очеркъ

А. Е. Богдановича.



Г Р О Д Н А.

Губернская Типографія.

—
1895.

Намъ кажется, что въ описанныхъ нами обрядахъ съ достаточной ясностью отразился древній обычай умыканія невѣсты, а въ обрядѣ даренія парней и слѣпого выбора «пары», — намекъ на первобытное общинное право мужчинъ на всѣхъ женщинъ, принадлежащихъ къ данной общинѣ. Это нѣчто вѣродѣ выкупа, освобожденія себя отъ принадлежности всѣмъ мужчинамъ общины, для того, чтобы впоследствии принадлежать исключительно одному, какъ о томъ поется въ купальской пѣснѣ:

Дружочкамъ на одну ночь,
А сужаньку на увесь вѣкъ.

Не случайно, конечно, принаровлена къ празднованію Купалы и баллада „о браткахъ“, столь распространенная въ Бѣлоруссіи, какъ ни одна пѣсня. Вѣроятно она служитъ отголоскомъ того далекаго прошлаго, когда было въ обычаѣ супружеское сожителство въ ближайшихъ степеняхъ родства. На это также намекаютъ нѣкоторые обряды бѣлорусскаго свадебнаго ритуала, какъ напримѣръ, обрядъ выкупа женихомъ у брата невѣсты ея косы, съ которой обыкновенно соединяется понятіе о дѣвчествѣ.

Богачъ *). Въ Игуменскомъ уѣздѣ „Богачомъ“

*) Такъ какъ описаніе празднованія „богача“, сколько намъ извѣстно, впервые появляется въ печати, то, въ видахъ дальнѣйшаго дополненія нашего описанія, считаемъ нужнымъ указать, что мы наблюдали эти празднества въ Игуменскомъ уѣздѣ, гдѣ оно бытуетъ во многихъ деревняхъ, преимущественно Погорѣльской вол. Также „богачъ“ празднуется въ Волковыскомъ уѣздѣ, Гродненской губерніи.

называютъ Рождество Богородицы (8-го сентября); послѣднее названіе почти не извѣстно народу *).

Въ жизни земледѣльца это самое счастливое время — время сравнительнаго довольства, когда и убѣдняка есть хлѣбъ на столѣ, а у богатыхъ, „какъ князья скирды широко сидятъ, поднявъ головы“. Отсюда понятно, почему народъ называетъ „богачомъ“ праздникъ, совпадающій со временемъ окончательной уборки хлѣба и хозяйственнаго обилія. Но есть факты, заставляющіе думать, что „богачъ“ — одно изъ земледѣльческихъ божествъ до-христіанскаго періода, одно изъ видоизмѣненій несторовскаго Даждь бога солнца, бога изобилія, богатства, на что указываетъ и самое имя его. Представленіе объ этомъ богѣ стерлось въ памяти народа, но указанія на то, что онъ, этотъ богъ, нѣкогда занималъ мѣсто въ вѣрованіяхъ бѣлорусса, сохранилось въ обрядахъ. Хотя „богачемъ“ называютъ собственно Рождество Богородицы, но празднованіе „богача“ справляютъ не только въ этотъ день, а и въ другіе праздники, блязкіе къ осеннему равноденствію. Если, напримѣръ, въ деревнѣ есть церковь или часовенка въ память святаго, празднуемаго въ это время, то и празднованіе „богача“ принаровливается къ этому дню.

Главную роль въ обрядѣ этого празднества играетъ „богачъ“ или „богатце“. Это „лубка“ ржи со вставленной въ нее восковой свѣчой. „Богачъ“ стоитъ въ

*) Въ другихъ мѣстностяхъ Бѣлоруссіи этотъ праздникъ зовется Малая Прачистая, въ отличіе отъ Успенія — Большой Прачистой.

теченіе цѣлаго года въ домѣ очереднаго хозяина, въ почетномъ углу, подъ иконами. Въ этотъ день свѣча зажигается. Приглашается священникъ для служенія молебствія, которое и служится прежде всего въ томъ домѣ, гдѣ стоитъ „богачъ“. Потомъ хозяинъ, вслѣдъ за священникомъ несетъ „богача“ въ слѣдующій дворъ, гдѣ ихъ встрѣчаютъ хозяева. Для встрѣчи ставятъ на дворѣ столъ, покрытый бѣлой скатертью и установленный „лубками“ ржи, пшеницы, ячменя или другаго хлѣба. „Богачъ“ ставится на столъ къ хлѣбамъ, и служится краткое молебствіе. Священникъ и всѣ его сопровождающіе приглашаются въ хату для угощенія, при чемъ „богачъ“ ставится на покути. И такъ обходятъ по очереди всѣ дома. Зерновый хлѣбъ, которымъ встрѣчали „богача“ идетъ въ пользу причта.

На другой конецъ села сгоняютъ весь скотъ, и когда *обойдутъ всѣ дворы, то обносятъ „богача“ во кругъ скота.* Послѣ этого относятъ его въ домъ къ очередному хозяину, гдѣ онъ и остается цѣлый годъ. Онъ, по повѣрью приноситъ, въ домъ богатство и счастье.

Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ рожь и воскъ для „богача“ собирается со всей деревни и подмѣняется только тогда, когда „богачъ“, по очереди, обойдетъ всю деревню или же когда свѣча сгоритъ. А въ другихъ мѣстностяхъ рожь и свѣча подмѣняются ежегодно очереднымъ хозяиномъ, при чемъ рожь для этого вымолачиваютъ изъ перваго, „зажиночнаго“ снопа *).

*) Первый снопъ (зажиночный), подобно дожиночному вѣнку, повсемѣстно въ Бѣлоруссіи пользуется особымъ значеніемъ; его каждый хозяинъ, принеся домой, ставитъ въ почетномъ углу. Это соблюдается и тамъ, гдѣ „богача“ совсѣмъ не празднуютъ.

Въ послѣднемъ случаѣ подмѣненная „богачовая“ рожь смѣшивается съ обыкновенной и употребляется на сѣмена. Приготовленіе свѣчи сопровождается общей вечерей всѣхъ участниковъ и особыми пѣснями, напоминающими „дожинковыя“.

Не есть ли это соединеніе зерноваго хлѣба, символа благосостоянія, со свѣчею, символомъ свѣтоноснаго начала, не есть ли это прообразомъ солнца Дажьбога, источника свѣта и вмѣстѣ съ тѣмъ покровителя земледѣлія, слѣдовательно бога обилія и благосостоянія? Вѣдь трудно придумать болѣе подходящую символизацию солнца, согласно первобытному представленію о немъ, какъ о богѣ земледѣлія. Кромѣ того, то обстоятельство, что празднованіе „богача“ болѣе или мѣнѣе совпадаетъ со временемъ осенняго равноденствія, также отчасти указываетъ на принадлежность этого праздника къ солнечному культу, и если это вѣрно то такимъ образомъ заполняется пробѣлъ въ циклѣ празднествъ въ честь солнца. Одно изъ этихъ празднествъ несомнѣнно должно было справляться осенью. Если коляды посвящались зимнему солнцу, масленица и великодни—весеннему, купала—лѣтнему, то было бы не понятно отсутствіе праздника въ честь осенняго солнца, тѣмъ болѣе непонятно и необъяснимо, что въ это именно время первобытный человѣкъ видѣлъ плоды его благодѣтельнаго вліянія.

Надо еще замѣтить, что по-бѣлорусски слово „богачъ“ не употребляется въ томъ смыслѣ, какъ въ русскомъ языкѣ—въ смыслѣ богатый человѣкъ. Въ этомъ смыслѣ бѣлоруссы употребляютъ „богатырь“ или при-

лагательное — богатый. А „богач“ употребляется только въ вышеуказанномъ смыслѣ, т. е. какъ народное названіе Рождества Богородицы и лукошка съ зерновымъ хлѣбомъ и свѣчой; послѣднее, впрочемъ, не всюду называется „богачемъ“.



Г.

Олицетвореніе зла.

Вообще человекъ субъективенъ, а первобытный человекъ въ особенности. Поэтому всѣ явленія внѣшняго міра онъ разсматриваетъ по отношенію ихъ къ самому себѣ и дѣлитъ ихъ на полезныя и вредныя для него, человека. На дальнѣйшей ступени своего интеллектуальнаго развитія, когда человекъ уже успѣетъ выработать начала нравственности, различеніе добра и зла, онъ склоненъ относить полезное для себя къ болѣе общей категоріи добра, а вредное къ категоріи зла.

Древнимъ славянамъ, какъ народу арійскаго корня, было не чуждо подобное подраздѣленіе; такъ мы встрѣчаемъ у нихъ бѣль-боговъ и черно-боговъ, и послѣдніе, вѣроятно, имѣли болѣе или менѣе демоническій характеръ, противились благимъ начинаніямъ бѣль-боговъ. Но славяне не стояли на такой высокой степени развитія, чтобы въ ихъ вѣрованіяхъ это раздѣленіе достигло той опредѣленности и того значенія, какъ въ религіи Зороастра. Съ принятіемъ же христіанства боги того и другого порядка еще болѣе смѣ-